

Уильям Гибсон

ДЖОННИ МНЕМОНИК

«Уильям Гибсон — это жесткое переплетение жизни городского дна и высоких технологий...»

Брюс Стерлинг

АЛЬТЕРНАТИВА ФАНТАСТИКА

Принадлежность

Уильям Гибсон, Джон Ширли

Принадлежность

Принадлежность

Это могло произойти и в «Клубе Жюстины», и в «Джимбо», и в «Печальном Джеке», и в «Причале»; Коретти так и не вспомнил, где он впервые встретил ее. В любое время она могла оказаться в любом из этих баров. Она плыла сквозь подводный полумрак бутылок, стаканов и медленных клубов сигаретного дыма… из бара в бар, она всюду была в своей стихии.

Теперь Коретти вспоминал сцену их первой встречи, будто разглядывая в мощный телескоп, только не в окуляр, а в объектив — миниатюрную, четкую и очень-очень далекую.

Впервые он обратил на нее внимание в баре «С черного хода». Этот бар назвали так потому, что попасть в него можно было из узкого переулка. Стены окрестных домов исписаны граффити, фонари, забранные решетками, облеплены мотыльками.

Под ногами хрустят обломки битого кирпича. Затем попадаешь в тускло освещенное помещение, сохранившее приметы дюжины других заведений, которые когда-то здесь были, а потом исчезли вместе с хозяевами. Коретти иногда наведывался сюда, потому что ему нравилась усталая улыбка чернокожего бармена, а еще потому, что немногочисленные посетители не слишком ему

докучали.

Ему плохо удавались разговоры с незнакомцами — и на вечеринках, и в барах.

В колледже, где он преподавал начальный курс лингвистики, Коретти чувствовал себя легко; мог, например, поговорить с руководителем кафедры о согласовании времен и ключевых словах в вводных предложениях. Но с чужаками разговор не клеился. На вечеринках он почти не бывал. А в бары захаживал частенько.

Коретти не умел одеваться. Если искусство одеваться — это язык, то Коретти страдал заиканием; он не умел выглядеть так, чтобы постороннему человеку было легко с ним общаться. Его бывшая жена говорила, что он одевается как марсианин, что по его одежде нельзя определить, к какому кругу он принадлежит. Ему не нравились ее слова, потому что они были правдой.

У него никогда не было девушки, похожей на ту, что сидела, слегка изогнув спину, в мерцании подводных огней «Черного хода». Тот же хмельной свет играл в темных очках бармена, искрился в горлышках разномастных бутылок, расплескивался в зеркале. В этом свете ее одежда казалась зеленой, цвета молодой кукурузы; боковые разрезы платья высоко открывали бедра.

Волосы ее в тот вечер отливали медью. А глаза… в тот вечер они были зеленые.

Он решительно прошел к стойке бара меж пустых — хром-и-пластик — столов и заказал себе чистый бурбон. Сбросил пальто, свернул и положил на колени, усевшись через табурет от нее. Господи, воскликнул он мысленно, да она же подумает, что я пытаюсь скрыть эрекцию! И неожиданно понял, что ему и вправду есть что скрывать. Посмотрел в зеркало за стойкой бара и увидел мужчину лет тридцати с небольшим с редеющими темными волосами и бледным худым лицом, с длинной шеей, торчащей из воротника яркой нейлоновой рубашки с изображениями автомобилей выпуска 1910 года трех разных расцветок. На нем был черно-коричневый галстук в косую полоску, слишком узкий, пожалуй, для такого воротника. А может, цвет неподходящий. В общем, что-то не то.

Рядом с ним, отражаясь в темной глади зеркала, сидела зеленоглазая женщина, похожая на Ирму Ля Дус. Однако, вглядевшись внимательнее, он поежился. В ее лице было что-то от животного. Очаровательное личико, но… простенькое, двумерное и в то же время с хитрецой. Когда поймет, что я на нее смотрю, подумал Коретти, она одарит

меня пренебрежительно-удивленной улыбкой — а на что еще можно рассчитывать?

— Простите, — решился он, — вы позволите… э-э-э… предложить вам стаканчик?..

В таких ситуациях на Коретти часто нападали «учительские судороги». «Э-э-э…» Его передернуло. «Э-э-э…»

— Вы хотите предложить мне… э-э-э… выпить?

— Что ж, очень любезно с вашей стороны, — к изумлению Коретти, ответила она. — Это было бы очень приятно.

Он вдруг осознал, что ее речь столь же скованна и неуверенна, как и его. Она добавила:

— Рюмочка «Тома Коллинза» по такому поводу была бы вполне уместна.

«По такому поводу»? «Уместна»? Сбитый с толку, Коретти заплатил за две порции.

Крупная деваха в джинсах и широкополой ковбойской шляпе навалилась животом на стойку рядом с Коретти и попросила бармена разменять мелочь. «Общий привет», — бросила она; затем повернулась к музыкальному автомату и запустила «Это из-за тебя наши дети безобразны» Конвея и Лоретты. Коретти повернулся к девушке в зеленом и, запинаясь, прошептал:

— Нравится ли вам музыка в стиле кантри-энд-

вестерн?

«Нравится ли вам…» Он мысленно застонал и попытался выдавить из себя улыбку.

— Да, разумеется, — ответила она, слегка в нос. — Очень нравится.

Деваха-ковбой уселась рядом с Коретти и, подмигнув, спросила у девушки:

— Что, проблемы? Этот страшилка к тебе пристает?

И девушка в зеленом с глазами животного ответила:

— Да что ты, милка, я и сама глаз на него положила. — И рассмеялась. Рассмеялась в самую меру. Диалектолог, сидевший внутри Коретти, беспокойно заерзал; уж слишком полным оказалось изменение и в построении фраз, и в интонации. Актриса? Талантливая подражательница? Внезапно в памяти всплыло слово «пародистка», но Коретти отбросил его и уставился на отражение девушки в зеркале; ряды бутылок обрамляли ее грудь, как стеклянное ожерелье.

— Я — Коретти. — Стараясь справиться с вербальным полтергейстом, он неожиданно для самого себя попытался напялить личину крутого парня. — Майкл Коретти.

— Оч'приятно, — ответила она так, чтобы не

слышала соседка; и снова ее голос звучал иначе — как неудачная пародия на Эмили Пост.

— Конвей и Лоретта, — ни к кому не обращаясь, произнесла деваха-ковбой.

— Антуанетта, — сказала девушка в зеленом, слегка кивнув. Она допила бокал, сделала вид, будто смотрит на часы, с кольнувшей вежливостью сообщила, что «ей-было-очень-приятно», и ушла.

Десятью минутами позже Коретти шел вслед за ней по Третьей авеню. Он в жизни никого не выслеживал и потому был взволнован и слегка напуган. Казалось бы, сорок футов, разделявшие их, это далеко, но что, если она вздумает оглянуться?

На Третьей авеню не бывает темно. На пустынной улице, в свете уличного фонаря, как под огнями рампы, она стала изменяться.

Она как раз переходила на другую сторону. Сошла с тротуара и… Началось с оттенка волос — Коретти сперва подумал, что это из-за бликов. Но поблизости не было неоновых ламп, которые отбрасывали бы скользящие и расплывающиеся, словно нефтяные пятна, круги. Потом все цвета сошли на нет, и три секунды спустя она оказалась блондинкой. Коретти был уверен, что

над ним подшутило освещение, но тут одежда ее начала корчиться, закручиваясь вокруг тела, как пластиковая обертка, а потом частично отвалилась и ошметками упала на панель, будто шкура сказочного животного. Когда Коретти проходил мимо, на тротуаре оставался лишь тающий зеленоватый дымок. Он поднял взгляд на девушку — она уже была одета иначе, в зеленый переливающийся атлас. Туфли тоже стали другими. Спина была обнажена, если не считать узких полосок, перекрещивавшихся глубоко внизу. Волосы стали короткими, ежиком.

Он обнаружил, что стоит, прислонившись к зеркальной витрине ювелирного магазинчика, и с трудом хватает ртом сырой осенний воздух. Через два квартала отсюда слышался пульс дискотеки. По мере того как девушка приближалась туда, движения ее неуловимо менялись — чуть по-другому покачивались бедра, иначе стучали каблуки по тротуару. Швейцар впустил ее, слегка кивнув. А вот Коретти он остановил, долго пялился на водительские права, с сомнением поглядывал на его шерстяное пальто. Коретти бросал нетерпеливые взгляды на размытые огни молочно-белой пластиковой лестницы. Девушка исчезла там, среди механических вспышек и

навязчивого грохота.

Швейцар неохотно пропустил его, и Коретти торопливо зашагал по ступенькам, вспугивая огни, которые сочились сквозь полупрозрачные пластиковые ступени.

Коретти ни разу еще не был в диско. Он понял, что очутился в месте, прекрасно приспособленном для полной отключки. Нервничая, он пробирался сквозь дергающуюся разодетую толпу, сквозь электронный урбанистический ритм, бьющий из гигантских динамиков. Почти ослепленный вспышками стробоскопа, он пытался разыскать ее в набитом зале.

Наконец нашел — в баре: она потягивала ядовитого цвета коктейль из высокого бокала и внимательно слушала юношу в просторной рубашке из светлого шелка и обтягивающих черных брюках. Время от времени она вежливо кивала. Коретти заказал бутылку бурбона. Девушка выпила один за другим пять коктейлей со льдом, а потом отправилась танцевать со своим спутником.

Ее движения были в полном согласии с музыкой; грациозно, без искусственности, она выполняла все положенные фигуры. Ни единого сбоя. Ее спутник танцевал явно механически, с

усилием заставляя себя выполнять ритуал.

Когда танец кончился, она резко повернулась и исчезла. Толпа будто всосала ее в себя.

Коретти врезался в гущу людей вслед за ней, не упуская ее из виду — и только он один успел заметить, как девушка меняется. Когда она дошла до выхода, волосы стали каштановыми, а платье — длинным и голубым. В прическе, над правым ухом, расцвел белый цветок; волосы теперь были прямые и длинные. Бюст стал чуть больше, а бедра тяжелее. Она сбегала через ступеньку, Коретти забеспокоился — не упала бы. Ведь столько выпито.

Но алкоголь, похоже, совсем на нее не действовал.

Не теряя девушку из виду, Коретти шел следом. Сердце его колотилось быстрее, чем ритм оставшегося позади диско. В любое мгновение она может обернуться, увидеть его, позвать на помощь.

Пройдя два квартала по Третьей, она свернула в «Лотарио». Походка неуловимо изменилась. В «Лотарио» было спокойно — кабинки, обвитые плющом, с зеркалами в стиле «Арт-Деко». Поддельные светильники «Тиффани», свисавшие с потолка, чередовались с вентиляторами

с большими деревянными лопастями, которые вращались слишком медленно, чтобы разогнать клубы дыма, плывущие сквозь гул захмелевших голосов. После дискотеки в «Лотарио» казалось особенно уютно. Пианист в рубашке с закатанными рукавами и в небрежно повязанном галстуке наигрывал джаз, мелодия не заглушала голоса и смех, доносившиеся из-за десятка столиков.

Она была в баре. Занята была лишь половина табуретов, но Коретти предпочел сесть за столик у стены, в тени миниатюрной пальмы. Заказал бурбон.

Выпил и заказал еще. Что-то ему сегодня никак не захмелеть.

Она сидела рядом с молодым человеком — еще одним молодым человеком, с непримечательным, с правильными чертами, лицом. На нем была желтая рубашка для гольфа и тесные джинсы. Бедро девушки касалось его ноги — чуть-чуть. Похоже, они не разговаривали, но Коретти чувствовал, что они каким-то образом общаются. Они молча сидели, слегка склонившись друг к другу. Коретти стало неуютно. Пошел в туалет, сполоснул лицо водой, а на обратном пути постарался пройти футах в трех от них. Пока он не оказался вблизи, их губы не шевелились.

Коретти услышал обычный треп:

— … видела его старые фильмы, но…

— Вам не кажется, что он очень уж любуется собой?..

— Пожалуй, но ведь в каком-то смысле…

И тут Коретти наконец понял, кто они такие — или, вернее, кем они должны быть. Они были из той породы людей, которая выведена, казалось, специально для баров. Нет, они не пьяницы; они — одушевленные приспособления. Функциональные части бара. Принадлежности.

Что-то внутри зудело, толкало на стычку. Он подошел к своему столику, но обнаружил, что ему не усидеть. Обернулся, судорожно глотнул воздуха и на деревянных ногах направился к бару. Ему хотелось коснуться этого бархатистого плеча и спросить, кто она такая, а точнее, что она такое. Чтобы в голосе прозвучала холодная ирония оттого, что это ему, Коретти, одетому по марсианской моде, соглядатаю, чужаку, одежда и речь которого никогда не соответствовали обстоятельствам, удалось-таки раскрыть их секрет.

Но запала не хватило; все, что он сумел сделать, — сесть рядом с ней и заказать бурбон.

— Но разве вы не согласны, — спросила она своего спутника, — что все это относительно?

Места рядом с ее спутником заняла пара, которая рассуждала о политике. Антуанетта и Рубашка для Гольфа мгновенно переключились на политику. Они говорили достаточно громко, чтобы заглушить соседнюю пару. На лице ее во время разговора не отражалось ровным счетом ничего. Как у птички, чирикающей на ветке.

Она так уютно устроилась на табурете, будто он был ее гнездышком. За выпивку платил Рубашка-для-Гольфа. Каждый раз у него было ровно столько мелочи, сколько нужно, кроме тех случаев, когда он хотел оставить на чай. Коретти наблюдал, как они методично вылакали по шесть коктейлей каждый — будто насекомые, насыщающиеся нектаром. Но голоса их не стали громче, щеки не раскраснелись, а когда они наконец поднялись, в походке не было и следа опьянения. Вот это напрасно, подумал Коретти, это недостаток в их маскировке.

За все время, пока он следовал за ними еще по трем барам, они не обратили на него ни малейшего внимания.

В «Вэйлоне» они перевоплотились так быстро, что Коретти чуть их не упустил. Место было из тех, где на дверях туалетов красуются надписи: «Для пойнтеров» и «Для сеттеров», а над подно-

сами с вяленым мясом и сосисками — сосновая дощечка, на которой накарябано: *«Мы больше не имеем дела с банками. Они не подают пива — мы не принимаем чеки»*.

Там она оказалась толстушкой с темными кругами под глазами. На синтетических брюках — кофейные пятна. Ее спутник теперь был в джинсах, футболке и красной бейсбольной кепке с красно-белой эмблемой клуба «Питербилт». Коретти рискнул выпустить их из-под наблюдения. Отправился к «пойнтерам» и обалдело простоял там с минуту, в замешательстве разглядывая картонку с надписью: *«Наша цель — позаботиться; ваша забота — прицелиться»*.

Вблизи порта Третья авеню терялась в каменном лабиринте. В последнем квартале панель через равные промежутки была размечена пятнами блевотины. Старики, навеки забытые за дымчато-зеркальными стеклами захудалых отелей, клевали носами перед экранами черно-белых телевизоров.

Бар, который они отыскали, названия не имел. Давно не мытое окно украшал вот-вот готовый отвалиться бубновый туз; лицо бармена походило больше на стиснутый кулак. УКВ-приемник в пластиковом корпусе под слоновую кость ис-

торгал рок на неровные ряды пустых столиков. Подкреплялись подопечные Коретти пивом и виски. Теперь они оказались неприметной пожилой парой. Они потягивали свое пойло и надсадно выкашливали дым «Кэмела». Смятую пачку она вытащила из кармана грязно-рыжего дождевика.

В два двадцать пять они оказались в комнате для отдыха под самой крышей нового гостиничного комплекса, вознесшегося над причалом. На ней было вечернее платье, на нем — темный костюм. Они пили коньяк и делали вид, что восторгаются ночными огнями. Пока Коретти смаковал свой стакан «Дикой индейки», они выпили по три порции коньяку.

Пили они до самого закрытия. Коретти последовал за ними в лифт. Они вежливо улыбнулись, но больше никак не отреагировали на его присутствие. Перед входом в отель стояли два такси; они заняли одно, Коретти — другое.

— За тем такси, — осипшим голосом бросил Коретти, сунув последнюю двадцатку водителю — стареющему хиппи.

— Будь спок, шеф, будь спок!..

Они сели им на хвост и преследовали шесть кварталов, пока первое такси не остановилось у

другого отеля, поскромнее. Пассажиры вышли из машины и направились к дверям отеля. Коретти медленно, тяжело дыша, вылез.

Он был болен мучавшими его подозрениями: эта женщина — совсем не женщина, она — воплощенное соответствие окружению, удачно подобранные обои в человеческом облике. Коретти постоял, пристально разглядывая отель, — и сдался. Нервы не выдержали.

Он пошел домой. Шестнадцать кварталов. По пути он вдруг осознал, что совершенно трезв. Как стеклышко.

Утром он позвонил, чтобы отменить первую лекцию. Правда, и похмелья-то не было. Во рту не пересохло, а разглядывая себя в зеркало ванной, Коретти заметил, что глаза не налиты кровью.

После обеда он заснул и видел во сне людей с овечьими лицами, которые отражались в зеркальных стенах, за рядами бутылок.

В тот вечер он вышел поужинать — но ничего не ел. Не лезло в рот. Он поковырял для виду в тарелке, заплатил и пошел в бар. Потом в другой. И в следующий — всюду он высматривал ее. Теперь он пользовался кредитной карточкой, хотя уже основательно задолжал «Визе». Если Коретти и

видел ее, то не узнал.

Иногда он принимался следить за отелем, в который она вошла в последний раз. Пристально вглядывался в каждую входившую и выходившую пару. Не то чтобы надеялся узнать ее только по одному внешнему виду — нет, должно быть ощущение, своего рода интуитивное опознание. Он наблюдал за парами, но уверен ни разу не был.

Несколько недель он обходил все до единого кабаки в городе. Вооружившись сперва картой и пятью рваными телефонными книгами, он постепенно смещался к все менее известным заведениям, телефонные номера которых в справочниках не упоминались. В иных и телефонов-то не было. Он вступал в подозрительные частные клубы, отыскивал нелицензированные забегаловки, работавшие после официального закрытия, куда выпивку надо было приносить с собой. Коретти пришлось понервничать в клубах, где в темноте занимались таким запредельным сексом, о существовании которого он и не подозревал.

Он продолжал свои ежевечерние обходы, всякий раз начиная с «С черного хода». Ни разу ее там не заставал, и в следующем баре тоже. Бармены

его уже узнавали, и были рады, потому что пил он непрерывно и, похоже, никогда не пьянел. Так он и сидел, вглядываясь в других завсегдатаев, — что дальше?

Коретти потерял работу.

Он слишком часто отменял лекции. Настолько увлекся, что следил за отелем даже днем. Его слишком часто встречали в барах. Похоже, он перестал менять одежду. Отказался от вечерних занятий. Мог прервать лекцию на полуслове и с отсутствующим взором уставиться в окно.

Втайне он был доволен тем, что его вышибли. На него уже стали коситься на факультетских ланчах, когда он не мог притронуться к еде. Да и времени для поисков прибавилось.

Коретти обнаружил ее в среду, в два часа пятнадцать минут пополуночи в баре голубых под названием «Конюшня». Обшитые досками стены, свешивающиеся отовсюду уздечки и прочий ржавый фермерский хлам. Крепкие духи, хохот, пиво. Она была среди местных веселых сестренок — в платье с голубыми блестками, с зеленым пером в тщательно уложенных каштановых волосах. Сквозь нахлынувшее облегчение Коретти ощутил что-то вроде восторга, странное чувство гордости за нее — и ей подобных. Она и здесь была

принадлежностью. Человек, готовый поделиться последним окурком и не представляющий ни малейшей угрозы ни «королевам», ни их партнерам. Ее спутник предстал в тот раз мужчиной неопределенного возраста: слегка посеребренные виски, пушистый ангорский свитер, плащ на подкладке.

Они медленно пили, потом, смеясь — как раз в меру! — направились в дождь. У дверей стояло такси, его «дворники» двигались точно в такт ударам сердца Коретти.

Неловко перепрыгнув через лужу на панели, Коретти юркнул в такси, трепеща в ожидании их реакции.

Коретти уселся на заднем сиденье, позади нее.

Человек с седыми висками поговорил с водителем. Тот пробурчал что-то в свой микрофон, переключил скорость, и они отплыли в дождь и уличную тьму. Коретти не замечал проносившихся мимо зданий — он представлял, как такси останавливается, седой мужчина и хохочущая женщина выкидывают его из машины и, смеясь, тычут пальцами на ворота сумасшедшего дома. Или: такси останавливается, пара поворачивается к нему, печально кивая. И еще десяток раз он представлял, как такси останавливается в

пустынном переулке и они спокойно душат его. Коретти, мертвый, валяется под дождем. Потому что он — чужак.

Но они подъехали к его отелю.

В тусклом свете лампы Коретти внимательно наблюдал, как мужчина полез за отворот плаща, чтобы достать деньги. Коретти отчетливо видел, что подкладка сливалась в одно целое со свитером. Не было там ни бумажника, ни кармана. Но вдруг образовалась щель, расширилась, когда в нее вошли пальцы, и исторгла деньги. Щель произвела на свет три сложенные банкноты. Деньги были чуть влажные. Когда мужчина развернул их, они высохли, как крылышки мотылька, только что появившегося на свет.

— Сдачи не надо, — сказал человек-принадлежность, вылезая из машины. Антуанетта скользнула наружу, Коретти отправился за ней, видя перед собой только щель в плаще. Влажную, окаймленную красным, похожую на жабры.

Портье в пустом вестибюле был поглощен кроссвордом. Пара спокойно прошла к лифту, Коретти неотступно следовал за ними. Он попытался поймать ее взгляд, но она не обратила на него ни малейшего внимания. А когда лифт поднялся семью этажами выше того, на кото-

ром жил Коретти, она наклонилась и понюхала хромированную настенную пепельницу — как собака принюхивается к Земле.

Жизнь в отелях не замирает даже глубокой ночью. В коридорах не бывает тишины. Не умолкают едва слышные вздохи, шорох простыней, кто-то бормочет во сне. Но в коридоре девятого этажа, показалось Коретти, царил идеальный вакуум; туфли его беззвучно ступали по бесцветному ковру; даже испуганное биение сердца поглощалось неярким рисунком обоев.

Он пытался считать маленькие пластиковые овалы, прикрепленные к дверям, — на каждом по три цифры, но коридор, казалось, тянулся в бесконечность. Наконец мужчина остановился перед дверью, фанерованной, как и все остальные, под красное дерево, и приложил руку к замку. Ладонь тихо легла на металл. Что-то мягко скрипнуло, затем механизм щелкнул, и дверь распахнулась. Он отнял руку — Коретти увидел серо-розовое серебро кости, которое еще не потеряло форму ключа, втягивающееся, влажно поблескивая, в ладонь.

Света в комнате не было, но тусклое неоновое сияние городских огней сочилось сквозь зеркальные стекла; в этом сиянии он увидел лица

десятка — или больше? — людей, застывших сидя на кровати, на кушетке, в креслах, на кухонных табуретах. Сперва ему показалось, что их глаза открыты, но тут же осознал, что спящие зрачки скрыты под мембранами под третьим веком, а слабый неоновый свет, падающий из окна, отражается в нем. Одеты они были в то, в чем покинули последний бар; бесформенный балахон Армии Спасения соседствовал с ярким прогулочным костюмом, вечернее платье — с пропыленной фабричной одеждой, кожа байкера — с твидом от Харриса. Во сне исчезло все их сомнительное человекоподобие.

Они сидели как на насестах.

Его пара расположилась на полированном кухонном столе, а Коретти в нерешительности замер, стоя посреди ковра. Казалось, световые годы ковра отделяют Коретти от остальных, но что-то призывало его преодолеть это расстояние, суля покой, мир и принадлежность. И все-таки он колебался, содрогаясь от нерешительности, которую источало, казалось, все его существо.

Он стоял, пока они не открыли глаза — все разом; мембраны скользнули в сторону, обнажив злобную уверенность обитателей самых глубоких океанских впадин.

Коретти вскрикнул, бросился бежать, промчался по коридорам, потом вниз, по гулким лестничным пролетам, под холодный дождь, на пустынную улицу.

В свой номер на третьем этаже Коретти так и не возвратился. Скучающий гостиничный детектив сгреб в кучу книги по лингвистике, единственный чемодан с одеждой — все это пошло потом на распродажу. Коретти снял комнату у суровой трезвенницы-баптистки, которая заставляла своих постояльцев молиться перед началом каждой трапезы — малосъедобной, впрочем. Она ничего не имела против того, что Коретти в этих трапезах не участвует: он объяснил ей, что его бесплатно кормят на работе. Лгал он теперь легко и искусно. Никогда не пил в пансионе и ни разу не пришел пьяным. Конечно, мистер Коретти не без странностей, но платит за квартиру исправно. И никакого от него беспокойства.

Коретти прекратил розыски. Перестал ходить в бары. Пил из бумажных пакетов по пути на работу и с работы — он теперь работал в типографии, а в промышленной зоне баров почти не было.

Работал по ночам.

Иногда на рассвете, пристроившись на краешке неразобранной постели, окунаясь в сон — он

теперь никогда не спал лежа, — он думал о ней. Об Антуанетте. И о них. О принадлежностях. Иногда он сонно размышлял… Наверное, они нечто вроде домашних мышей — мелкие животные, способные выжить только рядом с человеком.

Животные, которые существуют только благодаря потреблению алкоголя. Со специфическим метаболизмом, который превращает алкоголь и различные белки из коктейлей, вина и пива во все, что им может понадобиться. А внешность они меняют для самозащиты, как хамелеон или камбала. Так они могут выжить среди нас. А может быть, думал Коретти, в своем развитии они проходят несколько стадий. Сперва они выглядят совсем как люди, едят человеческую пищу, а свое отличие замечают только когда их охватывает беспокойное ощущение чуждости.

Животные со своими уловками, со своим собственным набором инстинктов городских обитателей. И со способностью чувствовать себе подобных, когда те поблизости. Может быть.

А может быть, и нет.

Коретти погрузился в сон.

В среду (он уже три недели как работал на новом месте) хозяйка открыла дверь — она никогда не стучалась — и сообщила, что его просят к теле-

фону. Голос ее был привычно-подозрительным; Коретти пошел за ней по темному коридору в гостиную на втором этаже.

Поднеся старомодный черный прибор к уху, он сперва не услышал ничего, кроме музыки, а затем звуковая завеса распалась на амальгаму разговоров. Смех. Голос так и не прорвался сквозь знакомые звуки бара, но фоном была мелодия «Это из-за тебя наши дети безобразны».

А потом трубку повесили — пошли гудки отбоя.

Позже, в комнате, прислушиваясь к доносившейся снизу твердой поступи хозяйки, Коретти понял, что больше ему незачем здесь оставаться. Вызов пришел. Но хозяйка требовала уведомить ее за три недели. Это значило, что Коретти ей должен. Инстинкт подсказал, что деньги следует оставить.

В соседней комнате кашлял во сне рабочий-христианин. Коретти поднялся и спустился в холл к телефону. Позвонил начальнику вечерней смены, что увольняется. Повесил трубку, вернулся в комнату, запер за собой дверь, затем медленно стянул с себя одежду, оставшись нагишом перед яркой литографией Иисуса в рамке над коричневым металлическим бюро.

Потом он отсчитал девять десяток. Аккуратно положил их рядом с тарелочкой с изображенными на ней молитвенно сложенными руками.

Очаровательные денежки. Очень хорошие денежки. Он их сам сделал.

В этот раз он не захотел беседовать. Она пила «маргариту», он заказал то же самое. Она заплатила, вытащив деньги неуловимым движением откуда-то из глубокого выреза платья. Он успел заметить, как там смыкаются жабры. В нем что-то возбудилось — но это не было связано с эрекцией.

После третьей «маргариты» их бедра соприкоснулись, и по его телу поплыли медленные волны оргазма. Напряжение было сосредоточено в том месте, где они касались друг друга, — размером не больше ссадины у него на пальце. Он раздвоился: один, тот, что внутри, сливался с ней в абсолютном клеточном единстве, а оболочка, небрежно развалившаяся на табурете, положив локти на стол по обе стороны от бокала, крутила в пальцах трубочку для коктейля. Задумчиво улыбаясь в прохладном полумраке.

Лишь на мгновение — на одно-единственное мгновение — смутное беспокойство вынудило Коретти бросить взгляд вниз, где пульсировали

нежно-рубиновые трубочки и трудились щупальца с жадными губками. Будто сплетенные усики двух странных анемон.

Они спаривались, и никто об этом не подозревал.

А бармен, принеся очередную порцию выпивки, выдавил усталую улыбку и сказал:

— Все льет, а? И как ему не надоест?

— И всю неделю так, будь он неладен, — ответил Коретти. — Хлещет как из ведра.

Он выговорил это совершенно правильно. Будто настоящий человек.